

То, что современная система международных отношений, в том числе отношений в военно-силовой сфере, представляет собой нарастающее хаотизированное пространство, кажется уже непроходимой банальностью. Велик соблазн объявить все происходящее временной флуктуацией, связанной с действиями одного, двух, максимум пяти мировых лидеров, которые хотели бы остановить умиротворяющее движение вперед нового мирового порядка. Но 4–5 лидеров, оспоривших перспективы развития человечества, — это довольно много. Особенно учитывая, что еще в начале 2000-х глобальный умиротворяющий консенсус оспаривал только чегеваровец Уго Чавес, да, вероятно, Ким Чен Ир, впрочем, последнее не точно. И это не считая тех, кто предпочитает *мудро молчать*, ожидая, чем дело кончится. Но они уже думают в новом формате и в новых терминах.

Думаю, максимум, через полтора года современное состояние мировых политических и силовых процессов — если наблюдаемые нами процессы сохранятся, конечно, — придется объявить не *флуктуацией*, а *тенденцией*, а затем и *новой парадигмой развития*. Как объявили санкции, а в действительности глубочайший погром функционировавшей 20 лет системы торговли в Европе, долговременным состоянием.

ЯВЬ И НАВЬ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Русские сказки поразительно точно отражают общественное восприятие мировой политики. То, что общество видит перед собой и, кажется, логику чего оно понимает, относится к *миру яви*, т. е. к *миру познанного*. Мир познанного показывают в телевизоре, обсуждают у подъезда, десятки тысяч *диванных экспертов* препарируют его кто в *Фейсбуке*, кто за столом для домино. Но помимо *мира яви* в русских сказках существует и *мир навь*, откуда приходят в *мир яви* сказочные и, как правило, недобрые персонажи. Мировое сообщество боится *мира навь*, в том числе и потому, что плохо знает, что там происходит и по каким законам там развивается жизнь. Этот феномен — погружение в непознаваемую тьму — блистательно описан британским писателем Дж. Конрадом в романе *Сердце Африки*.

В политике и политологии принято думать, что *навь* это — конспирология. Это неверно. Иногда это то, что никто и не думает особо скрывать, просто то, что находится вне *зоны постоянного внимания*. СМИ. Современное *информационное общество* — жестокая и злая вещь. Она, давая кажется неограниченный доступ к информации, ограничивает *фокус внимания* наблюдателя наиболее привлекательной и, что тут спорить, понятной картинкой. Собственно, *картинка* эта, *мир яви*, с точки зрения международных силовых процессов не слишком меняется скоро как полтора года. Просто перечислим:

- Кровавая реализация при участии ИГИЛ американской стратегии Большого Ближнего Востока и постепенный выход ситуации из-под контроля. Было бы серьезной ошибкой рассматривать Сирию или Ирак как сердцевину нестабиль-

да, коим, к примеру, была Польша между двумя мировыми войнами. Особенно никаких обязательств по отношению к *Великой Албании* можно было и не брать — никто бы не счел чем-то предосудительным отсутствие обязательств перед *региональным хулиганом*. Однако *Великая Албания*, построенная на основе исламизма, будет представлять реальную угрозу для европейской стабильности, особенно чувствительную на фоне других проблем.

Нарастание проблем в подбрюшье Европы, в Северо-Восточном Средиземноморье. Вероятно, мы можем говорить о полноценном *кризисе безопасности* для европейских стран, связанном с системной дестабилизацией данного региона. Причем если с проблемами на Балканах Европа уже за последние 25 лет свыклась (во всяком случае ничего принципиально нового для взора европейцев там не происходит), то наплыв нелегалов в таком количестве через Средиземное море стал серьезным дестабилизирующим фактором. Причем нелегалов с плохо скрываемым религиозным *душком*, что явно застало *наших уважаемых европейских партнеров* врасплох. Отсюда и метания от заявлений о готовности топить лодки с мигрантами до идеи их квотного расселения по всему ЕС, не исключая прибалтийские страны. Главной проблемой становится не отсутствие возможностей реагирования на новую угрозу, а отсутствие политической воли к жесткому реагированию. Ясно одно: этот вызов безопасности Евросоюза носит долгосрочный характер, а как в нем будет усиливаться силовой дестабилизационный компонент, покажет время. Но то, что он — силовой компонент — в той или иной степени будет присутствовать в этой ситуации, — сомнений почти нет.

Передел Африки. Все привыкли, что в Африке постоянно кто-то кого-то режет и убивает, причем никто особо уже даже не интересуется кто и кого. Для того чтобы мировое сообщество вспомнило об Африке, необходимо совершить что-то уж совсем выдающееся, желательно в сфере кровопускания. Однако нельзя не заметить, как Китай медленно, но верно пробивает в Африке *экваториальный коридор*, который, если он будет стабилизирован и обеспечен инфраструктурой, создаст совершенно новую геополитическую и геоэкономическую ситуацию в мире. Собственно, то, чем занимается Китай (с переменным успехом в силу особенностей китайской политической культуры), вполне ложится в формулу *денеколонизации* континента, подобно тому, как хрущевский СССР занимался его деколонизацией. Китайцам осталось создать своего Патриса Лумумбу с подобной же, естественно, судьбой (а как иначе?), и тогда аналогия будет полной. Вопрос в том, что для модернизации Африки или даже только ее ресурсно-ценных регионов сейчас понадобится их стратегическое умиротворение, которое вряд ли достижимо несиловыми способами. Впрочем, для Китая это будет хорошей *пробой пера* в глобальном проецировании силы, причем куда более геополитически безопасным, нежели предыдущая попытка КНР продемонстрировать свою военную мощь в 1979 г. в ходе войны с Вьетнамом, после которой Поднебесная ограничивалась исключительно военными демонстрациями и учениями. Если это случится, тогда мир действительно поверит в *пробуждающего дракона*. А нет — ограничимся восхищением успехами Китая в производстве плюшевых игрушек для американского рынка.

Новый раунд развития американской ПРО. В которой уже мало что осталось от первоначального замысла и ориентации на защиту европейских стран от пары десятков *иранских ракет*. Тем не менее проект не потерял ни масштабности, ни амбициозности. Просто его направленность против России стала более ясной

и очевидной. Что пока неочевидно, так это то, насколько годы *политического диалога* вокруг ПРО дали возможность США совершить тот технологический рывок, которого им явно не хватало на предыдущем витке. Конечно, никто пока не снял с повестки дня бюджетные ограничения и необходимость политически договариваться с *союзниками*, но политический контекст для полноценного развертывания американской системы ПРО в Европе сейчас более благоприятен, чем когда-либо. Это не так много изменит с учетом решений России по развитию стратегических ядерных сил, но, конечно, внесет дополнительную напряженность в развитие ситуации. Впрочем, наверное, покажусь многим радикалом, но скажу, что теперь, когда направленность американского проекта становится уже окончательно очевидной, иранские ракеты как фактор, дополнительно способствующий восстановлению баланса сил, очень бы не помешали.

Милитаризация Балтийского моря и его окрестностей. Просто в очередной раз обратите внимание на новостную ленту и отметьте для себя, что идиллических картин сонной и благой Прибалтики, обеспечившей себе безбедное существование за счет вступления в ЕС и НАТО, не существует. А существует еще одна точка военной напряженности, впрочем не представляющая никакой экономической или военно-стратегической ценности ни для одного игрока. Вероятно, именно поэтому ключевые игроки с таким рвением разыгрывают свои партии именно в регионе Балтийского моря. Собственно, как это было всегда, например после геополитического разгрома Швеции в Северной войне в начале XVIII в. Выяснилось, что Балтийский регион *никому не жалко*, а попытки превратить его в *неприступный бастион западной цивилизации* пока выразились лишь в некоем наборе демонстрационных акций, у которых если и был какой-то результат, так это убеждение некоторых соседей прибалтийских стран в том, что *если что...* зачищать *прибалтийский балкон* (термин из времен завершающего этапа ВОВ) надо в первую очередь. В результате никаких дивидендов — ни политических, ни экономических — никто не получил, а степень военной напряженности достигла беспрецедентного уровня, который, казалось бы, должен полностью исключать какие-либо, даже среднесрочные, инвестиции. Это к вопросу об экономической глобализации.

Необходимость стратегического выбора для Индии. При всем том, что значительная часть комментаторов продолжает считать приход к власти Н. Моди некоей политической флуктуацией, результатом стечения неблагоприятных экономических обстоятельств, вероятно, появление столь специфического политика на высшем государственном посту в стране, которая всегда славилась своей умеренностью и политической *аккуратностью*, вряд ли можно считать случайностью. Рискнем предположить, что появление Моди на Олимпе индийской политики отражает внутренние экономические проблемы, связанные с запаздыванием *третьей модернизации* индийской промышленности. Однако ситуация, в которой он оказался, сев в премьерское кресло, требует от Моди кардинальных решений в сфере именно внешней политики. Индийская политика последних лет — *многовекторное балансирование* с явным сближением с США — конечно, дала серьезные положительные результаты для Дели, однако в условиях крайне не однозначных процессов и в Евразии, и в Северо-Восточной Азии, создала такое количество рисков, с которыми даже флегматичная индийская внешняя политика стала справляться с трудом. Показателем этого, стал, например, *сериал* по смене власти на Мальдивских островах, которые Дели считал своей вотчи-

ной. А Пакистан, ставший в *нулевые* почти страной-изгоем, в последнее время успешно от этого статуса избавляется, в том числе через развитие отношений с Россией. Все это происходит на фоне относительного усиления китайского влияния, а главное — активности Китая в военно-силовых вопросах. На первых порах Моди попытался ограничиться *внешнеполитической терапией*, не форсируя события. Интересно в данном случае то, что именно индийская сторона заблокировала решения о дальнейшей институционализации БРИКС. Таким образом, Моди придется принимать серьезные внешнеполитические и военно-силовые решения. Собственно, он их уже и начал принимать: подтверждает это долго оттягиваемое решение о *параллельном* с Пакистаном присоединении к ШОС. Вероятно, именно принятие Индией военно-стратегических решений, которые потом станут называть *неоднозначными*, и будет одним из наиболее важных военно-силовых процессов в мире в ближайшие 3–5 лет. Моди надо будет сказать большое спасибо своим предшественникам, которые дали ему возможность принимать тяжелые внешнеполитические решения, имея очень неплохой тыл в виде ядерного оружия.

Развитие ситуации в Афганистане. Ситуация в Афганистане попала в геополитическую *навь* не случайно. Афганистан всем в мире надоел. И правда, нельзя находиться *на первых полосах* уже почти 40 лет. И, конечно, моджахеды, и талибы по сравнению с ИГИЛ уже кажутся жалким капустником провинциального техникума. Хотя, конечно, мы забыли, что все парадигмы политического поведения ИГИЛ и ее дочерних структур были апробированы именно талибами, которые прощупали *пределы дозволенного* и показали всем радикалам, что действительно напугает расслабленное в 1990-е мировое сообщество. Проблема в том, что забытая нами ситуация в Афганистане, погрузившаяся, кажется, в *навь второго уровня*, является сердцевинной для слишком многих региональных и не только региональных процессов. И когда мы смеемся над Бараком Обамой, перепутавшим имя президента Афганистана, мы должны четко осознавать, что мы не так много знаем о ситуации в этой стране в принципе. Более того, мы не можем с уверенностью говорить о том, что те, кого мы сейчас называем талибы — это те же талибы, с которыми боролся еще Буш-младший в 2001 г. Вероятнее всего, там произошла значительная идеологическая трансформация, связанная с восстановлением до известных пределов националистических настроений в противовес глобалистическо-исламистским. Что, кстати, дает большие, существенно большие шансы на успех. Что мы хорошо знаем, так это то, когда Афганистан из территории *нави* перейдет на территорию *яви*. Это произойдет, когда отряды неоталибов выйдут на границу с Таджикистаном. И судя по озабоченному виду таджикского президента Эмомали Рахмона на праздновании 70-летия Победы, это может произойти весьма скоро, тем более что ожесточенные бои между *боевиками* и *армией* (оба эти понятия в условиях Афганистана, как мы понимаем, весьма условны) вблизи границы с Таджикистаном уже идут вовсю, причем *боевики* контролируют уже целые районы, которые приходится *освобождать*²⁶. Проблема в том, что в отличие от ситуации 2001-го и последующих годов, вероятно, странам Центральной Азии придется рассчитывать только на ОДКБ и, возможно, на некоторую материально-техническую помощь Запада.

Виртуализация АСЕАН. Обратите внимание, что в последних раундах *выяснения отношений* в Восточной Азии замечены кто угодно, даже Россия, только

не АСЕАН. А ведь совсем недавно эта структура претендовала на то, чтобы стать своего рода азиатской НАТО²⁷. Теперь речи об этом уже не идет, вопрос состоит в том, насколько АСЕАН сможет сохраниться в качестве торгово-экономического союза. Это означает, что в регионе в принципе отсутствует организация, которая могла бы взять на себя минимальные функции в сфере коллективной безопасности. А по факту в регионе в качестве активных игроков после всех институциональных и политических метаний остались те, кто, собственно, там и играл ключевую роль еще в 1950-е гг.: США, Китай, две Кореи, причем какая из них может считаться более самостоятельной, еще надо поспорить, Япония, возвращающаяся себе, уже совершенно не скрываясь, статус военной державы, Австралия как спутник США и прорывающаяся из тумана стратегической невнятности последних, кажется, 30 лет Россия. Единственным новым игроком следует считать Вьетнам, и, вероятно, это обстоятельство имеет действительно стратегическое значение. Поскольку Вьетнам сочетает в себе значительный и постоянно растущий экономический потенциал, исключительно выгодное географическое положение и вполне успешную военную традицию.

Поведем итог: если разобраться, в пределах *видимого* в политическом смысле мира в последние полгода-год происходят события, которые по своей стратегической значимости существенно уступают тому, что происходит в мире *невидимом*, в той геополитической *нави*, о которой мы писали вначале. Проблема в том, что в какой-то момент геополитическая *навь* станет *явью*, причем не только в результате того, что мировые *сетевые* СМИ *вдруг, случайно* обратят на эти процессы внимание, но и потому, что игнорировать происходящее просто уже будет невозможно. Вопрос только в том, не было бы поздно.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ЖЕРТВА РОССИЙСКИХ ИЛЛЮЗИЙ

О российско-американских отношениях теперь принято говорить, как об очень здоровом человеке: либо плохо, либо ничего. Поразительно, насколько быстро и почти безболезненно за полтора года были демонтированы почти все достижения и *стратегического партнерства* времен Бориса Ельцина и *друга Билла*, и совместной борьбы с терроризмом времен Буша-младшего, и *перезагрузки*. Значит, не было в этих достижениях чего-то, чтобы удерживало обе стороны от жестких действий и перерастания обид, порой явно персональных, во внешнеполитические решения, которые трудно бывает реверсировать, но последствия, которых будут ощущаться десятилетиями. А было ли в этих достижениях вообще хоть какое-то содержание? Ответ на этот вопрос оставим историкам.

Приходится, впрочем, признать, что нынешнее состояние российско-американских отношений является результатом не только заговора против России, созревшего в *вашингтонском закулисье*, сколько стратегических просчетов Москвы. Чуть истории: в середине *нулевых* стало понятно, что российско-американское стратегическое партнерство *не задалось*. Вернее, задалось, но только в форме перекачивания российских нефтедолларов в американские казначейские обязательства, что, естественно, Кремль устраивать перестало, особенно на фоне нарастания со стороны США военно-силовых сигналов, которые в различной степени лишили Москву той военно-силовой комфортности, которая была характерна для нача-

ла нулевых. Собственно, окончательный разлад августа 2008 г. был всего лишь финальной точкой процесса, который начался годами в 2004–2005, запалом к которому послужил *Майдан 1.0*.

Естественным выходом из этого состояния казалось сближение с Европой и прежде всего с Германией. Ни с Китаем, ни с исламским миром, ни даже с Индией российская элита сближаться не захотела, поскольку этих стран и регионов не знала и побаивалась. А Европа, Германия и в несколько меньшей степени Италия и Франция казались вполне эффективными партнерами, чтобы сбалансировать напористость США.

Реальность оказалась куда более угрюмой: Европа, которая могла много рассуждать (хотя и не всегда убедительно) о стремлении к геополитической самостоятельности и стратегическому партнерству, во-первых, не имела никакой реальной экономической возможности за эту самостоятельность бороться. То есть если *самостоятельность* или то, что выглядит как самостоятельность, получается легко и даром, Европа, в принципе, готова порадоваться. Но, вот жертвовать чем-то, инвестировать *вдолгую*, ни Европа как система, ни отдельные европейские страны не хотели и не могли. Во-вторых, как следствие, Европа боялась России, которая обладала и ресурсами, и запасом социальной прочности, чтобы бороться за самостоятельность. Подозреваю, что Россия уже некоторое время воспринималась Европой как более сильный партнер, чем и пугала. В этих условиях наивно было бы надеяться на какое-то реальное партнерство.

Но мы-то надеялись... В том числе и отталкиваясь от традиционной нелюбви к США. А полагая, совершенно не занимались налаживанием отношений со *вторым* и *третьим* эшелонами американской политики. Более того, не слишком озабочивались тем, чтобы системно понять, а что собственно происходит в американской политике и экономике. Мы один, вернее 1,5 раза поставили против графы *США* минус. *Половинка* минуса была поставлена уже администрации Б. Обамы, что, впрочем, было как раз справедливо — ее надо было просто пережить. И забыли о возможности, нет, не партнерства, но внятного разговора с США. Предпочитая общаться с европейскими лидерами, которые в отличие от американцев, так и не смогших произнести слово *партнерство* правильно (*перезагрузка* — это от нежелания произносить слово *партнерство*, не так ли?) постоянно подмигивали и намекали, что еще чуть-чуть и будет России *счастье*.

Потом, естественно, *счастье* куда-то пропало, а появился *четвертый* и *пятый* энергопакеты, а также санкции, оказавшиеся куда более жесткими, а главное, обидными, нежели американские, что оказалось большим шоком для наших властей на самом высоком уровне. Естественно, виновниками произошедшего были объявлены американцы, но даже в Кремле в это особенно не верили. Просто не хотели признаться, что столь жестко негативный исход стал продуктом чрезмерного, иногда намеренно акцентированного европоцентризма российских властей и их неспособности выстроить многослойную *повестку дня* в отношениях с США.

А ведь с американцами мог быть диалог о чем-то, кроме экономики. Об экономике тоже, но не в первую очередь. Собственно, экономическая повестка дня была значима, но не доминировала. Разговор шел в основном по политическим и военно-стратегическим вопросам, ради которых США были готовы на многое, в том числе в экономических вопросах. Европа в сегодняшнем своем состоянии спо-

собна только имитировать наличие стратегического потенциала, но она стремится до остатка выжать из партнера все возможные экономические уступки. И надо сказать огромное спасибо нашим американским партнерам, которые смогли доказать Москве, особенно в последние полгода, реальную *ценность* партнерства с Европой.

Главным уроком для России должно стать следующее: ее уже воспринимают как силу, с которой нужно говорить о военно-стратегической составляющей глобальной политики, и не воспринимают, и еще долго не будут воспринимать как силу, с которой стоит обсуждать экономические вопросы. Но тот мир, восход которого мы наблюдали в 2013–2014 гг. и с которым все ключевые глобальные игроки, вероятно, окончательно смирились в 2014-м, дает России большой шанс на укрепление позиций.

Только надо четко понимать, что партнеров *для поговорить* у России будет очень мало — всего 4–5 стран. И США в этом списке всегда будут идти первым номером. Естественно, не единственным, но первым.

ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ НА ПОРОГЕ ЗАБВЕНИЯ

Невнятное завершение Обзорной конференции по Договору о нераспространении ядерного оружия в мае 2015 г., которое можно откровенно назвать провалом, случись оно лет 10, а тем более 15 назад, стало бы крупнейшим мировым событием, которое было бы воспринято как указание на глубокий кризис системы международных отношений. Лидеры государств, дипломаты и политики начали бы суетиться в попытке придумать что-то, что хотя бы частично скроет негативные последствия. А сейчас — почти ничего. Так, пара статей в крупных и не очень крупных СМИ с рефреном, — *жалко конечно, но у человечества есть дела поважнее...*

Верно, на фоне того, что происходит в современном мире, *тихий кризис политики нераспространения* не столь заметен. И почти не дает красивой (страшно красивой?) телевизионной или интернет-картинки. И политические дивиденды от участия того или иного политика в политических процессах по нераспространению ядерного оружия также незначительны, особенно учитывая, что *несложных* тем и процессов в глобальном нераспространении практически не осталось.

Мы привыкли к тому, что в ядерном нераспространении ничего принципиально не происходит, что прорывов в ядерном нераспространении ждать не стоит. Соответственно, и политическая приоритетность этого вопроса, а значит, и объем политических усилий, на него затрачиваемых, резко упала. Согласимся, к Обзорной конференции 2015 г. изначально относились как к техническому мероприятию. Отрадно, что Россия оказалась одной из немногих стран, в которой понимали значимость события и приоритетность вопроса.

Проблема, впрочем, состоит в том, что в отличие от ситуации в Донбассе, Сирии, Ираке, да и на Корейском полуострове мировое нераспространение является институциональным вопросом. Развитие глобальной политики в сфере нераспространения (а политика в сфере нераспространения ядерного оружия может быть либо глобальной, консенсусной, либо она становится профанацией), является той базой, на которую надстраиваются многие другие глобальные институты и процессы.

Но интерес к нераспространению ядерного оружия исчез не вчера и исчез он не случайно. В конечном счете ни один из тех проектов, которые обсуждались на протяжении последнего десятилетия: ни зона, свободная от ядерного оружия, на Ближнем Востоке, ни подобный же проект на Корейском полуострове, мягко говоря, в современных военно-политических условиях шансов на реализацию имеет. Иначе говоря, все те заделы, которые существовали, правда, в разной степени продвинутости, в первой половине 1990-х гг., за последние 20 лет закончились ничем, а в ряде случаев, как например, на Корейском полуострове, завершились негативным результатом — откатом назад. Конечно, были и объективные причины этого, но нельзя не отметить и то, что вопрос нераспространения ядерного оружия из политического стал чисто дипломатическим. Что в полной мере и проявилось в ходе Обзорной конференции.

Но в том-то и проблема: если не двигаться вперед, начинаешь проваливаться назад. Современная военно-силовая ситуация в мире дает слишком много стимулов разным государствам к тому, чтобы подумывать о ядерном оружии, хотя бы как о теоретической оборонной опции. И это следует считать по-настоящему серьезной институциональной угрозой международной безопасности и стабильности, которую провал Обзорной конференции по ДНЯО реально усилил.

Но во всем произошедшем есть и положительный момент: когда тупик в развитии процесса становится очевидным, появляются возможность и воля обсуждать новые модели и парадигмы развития. Сфере нераспространения ядерного оружия давно нужен новый ветер, новые идеи и новые парадигмы.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ПОВЕСТКА ДНЯ НА ПЕПЕЛИЩЕ

Проще всего было бы в очередной раз констатировать хаос в системе международных отношений и деструкцию ключевых международных институтов, особенно учитывая, что для такой констатации имеются, прямо скажем, вполне веские основания. Степень востребованности силовых инструментов в мире за последние полгода не уменьшилась, а скорее увеличилась. Но дело не только в этом: *гибридные войны*, которые исключительно широко востребованы сейчас как способ применения силы и востребованность которых будет, вероятно, расти и в дальнейшем, отражают отсутствие в настоящее время общепринятых *правил игры* в сфере международной безопасности и применения военной силы. Правил, которые в той или иной степени существовали, как минимум с начала 1970-х гг., а в своих элементах и гораздо раньше. Проблема еще и в том, что *гибридные войны* невозможно регулировать в принципе и они, как доказал опыт последних 5–6 лет, ведутся вне даже самых элементарных *законов войны*.

Не возникнет ли ситуация, когда несомыи *логикой вещей*, мы все — и США, и Россия, и даже Китай, не говоря уже о других странах, — окажемся в *пространстве силовой вседозволенности*, к которому, будем говорить прямо, мы прикоснулись во времена *арабской весны* и *Майдана*? Это было бы крайне опасно.

Но нельзя не заметить и того, что внешнеполитический (и в немалой степени силовой) хаос начинает приобретать пока еще нечеткие признаки начала упорядочивания. Легко заметить, как после практически полутора лет взаимного игнорирования и выяснения отношений через СМИ и социальные сети, вновь возобновилась

практика неофициальных *консультаций высокого уровня*, которые были основой системы международной безопасности долгие годы холодной войны. По сравнению с броуновским движением в сфере безопасности весной 2014 г., вероятно, появление, причем во многих регионах мира, этих *гибридных войн* при всей расплывчатости и политической мотивированности и ангажированности термина следует считать все же шагом вперед, хотя, конечно, это все еще шаг в пространстве высокого уровня военной опасности.

Нет, конечно, до выработки неких новых *правил игры* еще далеко. Думается, 1,5–2, а может, даже 3 года, пока все участвующие в играх последнего времени *субъекты* мировой политики вдоволь наслаждаются изымательствами над *объектами* мировой политики, которые к этому времени поймут, что не они танцуют, а их танцуют. Или не поймут и уйдут в, скажем мягко, институциональное небытие. Но именно сейчас объективно возникают возможности для начала реального диалога о базовых основах мироустройства. Да, конечно, надо понимать, что начинать придется не *с нуля*. Начинать придется с *пепелища*, в которое постепенно превращается система международных институтов, а как следствие, и международного права. Одним из результатов этого *пепелища* стало, кстати, то, что территория *яви* в международных отношениях оказалась существенно меньше территории *нави*, т. е. зоны с непознанными законами политического и военно-политического поведения, а иногда и совсем без оных.

Задача всех разумных сил в современном мире заключается в том, чтобы, как минимум, не дать территории *нави* расширяться и дальше. Внешняя политика, а тем более политика силовая должны находиться на территории, которую человечество видит и, что самое главное, понимает.

Кстати, если кто не знает, на границе *яви* и *нави* живет Баба Яга — дама со сложным характером, но порой играющая положительную роль — Сдерживающую. Собственно Баба Яга во многом и определяет характер взаимодействия *мира яви* с *миром нави*.

Думаю, тот, кто сможет в самом обозримом будущем занять место этой Бабы Яги, получит большие геополитические и геоэкономические преимущества в будущем мире. Во всяком случае, пока не возникнут и не окрепнут новые международные институты, т. е. лет на 20.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

- 1 *Proxу war* обычно переводится как *опосредованная война*. Под этим понимается вооруженный конфликт между двумя сторонами, как правило, сверхдержавами, ведущийся чужими руками на территории третьей страны или стран.
- 2 Тренин Дмитрий. Время соперничества. *Индекс Безопасности*. 2015, весна. Т. 21, № 1 (112). С. 99.
- 3 Белковский Станислав. Особое мнение. *Эхо Москвы*, 22 апреля 2015 года. <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1534116-echo> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 4 Месснер Евгений. Всемирная мятежвойна. В: «Хочешь мира, победи мятежвойну». Творческое наследие Е. Э. Месснера. М. Военный университет. Русский путь. 2005. http://militera.lib.ru/science/0/pdf/messner_ea01.pdf (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 5 Там же.

- 6 Герасимов Валерий. Ценность науки в предвидении. Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий. *Военно-промышленный курьер*, 26 февраля 2013 г. <http://www.vpk-news.ru/articles/14632> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 7 Зарудницкий Владимир. О военных аспектах *цветных* революций. Выступление на полях III Московской конференции по международной безопасности. 26 мая 2014 г. Министерство обороны РФ. <http://geopolitics.by/analytcs/voennye-aspekty-cvetnyh-revoluciy> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 8 Речь шла о Донецкой, Луганской, Харьковской, Днепропетровской, Запорожской, Херсонской, Николаевской и Одесской областях.
- 9 Барабанов Михаил. Испытание нового облика. *Россия в глобальной политике*, № 5, сентябрь-октябрь 2014. <http://www.globalaffairs.ru/number/Ispytanie-novogo-oblika-17097> (последнее посещение 6 июля 2015 г.). Sutyagin Igor. *Russian Forces in Ukraine*. Royal United Services Institute. Briefing paper. London. March 2015. P. 4.
- 10 Resinger, H. and Goltz, A. Russia's hybrid warfare. Waging war below the radar of traditional collective defense. Research paper N 105. NATO Defense College. Rome. November 17, 2014. P. 8.
- 11 <http://stratfor.com/analysis/gaming-russian-offensiv>
- 12 Электоральные настроения населения Украины. Киевский международный институт социологии, май 2015 г. <http://kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=526&page=1> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 13 Каковы результаты исследования. <http://www.business.ua/articles/u:kraine/V-Ukraine-uluchshilos-obschestvennoe-mnenie-o-NATO-opros-97457> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 14 The World Factbook. CIA. 1990. — www.umsl.edu/services/govdocs/wofact90/world12.txt (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 15 Financial and Economic data Relating to NATO defense. Press-release M-DPC-2 (88)74. 1st December 1988. P. 2. http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_65880.htm?mode=pressrelease (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 16 Military expenditures by country in current US \$. 1988–2014. SIPRI database. — <http://www.sipri.org/research> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 17 Financial and Economic data Relating to NATO defense. Press-release M-DPC-2 (88)74. 1st December 1988. P.3. http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_65880.htm?mode=pressrelease (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 18 World Economic Outlook Database. April 2015. International Monetary Fund. www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/weodata/weoreport.aspx (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 19 Российская экономика в 2014 году. Тенденции и перспективы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 568; Financial and Economic data Relating to NATO Defense. Press-release. Communique PR/CP (2015)093-COR1. 22 June 2105. P. 4. Military expenditures by country in current US \$. 1988–2014. SIPRI database. <http://www.sipri.org/research> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 20 Российская экономика в 2014 году. Цит. Указ. соч. С. 567; Financial and Economic data Relating to NATO Defense. Press-release. Communique PR/CP (2015)093-COR1. 22 June 2105. P. 6.
- 21 International comparisons of gross domestic expenditures on R&D and R&D share of gross domestic product, by region/country/economy: 2011 or most recent year. Table 4–4. International Comparisons of R&D Performance Science and Engineering Indicators 2014. National Science Board. <http://www.nsf.gov/statistics/seind14/index.cfm/chapter-4/c4s2.htm> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 22 О мерах по реализации импортозамещения в гражданских отраслях промышленности в интересах укрепления национальной безопасности. Аналитический вестник № 27. Совет Федерации. М. 2014, ноябрь. С. 4.
- 23 Производственная зависимость — доля импорта в расходах предприятий на сырье, материалы, покупные полуфабрикаты и комплектующие изделия для производства и продажи продукции (товаров, работ, услуг).
- 24 Березинская О., Ведев А. Производственная зависимость российской промышленности от импорта и механизм стратегического импортозамещения. *Вопросы экономики*. 2015. № 1. С. 110.
- 25 Миркин Яков. Россия ждет технологический коллапс. Как быть? *Slon.ru*, 26 июня 2015 г. <https://slon.ru/posts/53279> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 26 Афганские военные ликвидировали у границы с Таджикистаном 120 боевиков, 21 июня 2015 г. http://www.gazeta.ru/social/news/2015/06/21/n_7307545.shtml (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 27 Неплохой обзор рассуждений на эту тему см.: Мардасов А. Восточный военный базар, 15 января 2014 г. <http://svpressa.ru/politic/article/80522> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).